

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

«Зов крови»

Сегодняшнее состояние этнологии в России таково, что многие позиции необходимо формулировать заново. Ряд авторов занимается этнополитикой. Сам термин «этнополитика» указывает на то, что этничность просто ограничивается областью политики. Одним из горячих сторонников такого подхода выступил директор Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А.Тишков. Концептуальным выражением его подходов является конструктивизм. В.А.Тишков пишет: «Этничность возможно рассматривать в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных уровнях и контекстуальных горизонтах: транснациональном уровне мировых культурных систем и диаспорных связей, в рамках наций-государств с точки зрения доктрины меньшинств, «внутреннего колониализма» или «структурного насилия», межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы и внутригрупповом в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей»¹. Как видим, научный аппарат автора взят из арсенала прикладной социологии и служит политике. Для В.А.Тишкова нация — это семантико-

метафорическая категория, которая «обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией»², а потому «она должна быть устранена из языка науки и политики»³. В.А.Тишков с сожалением констатировал: «Российская перепись населения 2002 г. не выполнила свою основную миссию — создать народ для государства»⁴. Получается, что народы (в понимании автора это этнические общности) сами по себе не существуют, но история говорит об обратном, государство — это естественный этап на пути этнического развития, т.е. одна из форм жизнедеятельности народов, независимая от манипуляций со стороны властных и иных структур.

Конструктивизм не имеет отношения к этнологии. Поскольку для него все народы и государства являются изобретением политиков, идеологов, постольку он исходит из социологического описания существующих явлений и конструирования новых отношений. Конструктивизм опирается на зыбкую почву предположений о возможности безграничного влияния на социальные процессы. Опыт формирования «советского народа» убедительно опровергает возможность искусственного создания новых общностей. Об опасности конс-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. — 2011, №№ 1, 2, 3.

труктивизма говорит также трагический пример с «югославским народом», в рамках которого политики пытались ассимилировать близкие по языку и культуре этнические группы, а в результате довели ситуацию до вооруженного конфликта.

Другие исследователи во главе с Л.М.Дробижевой⁵ занимаются этносоциологией и развили целую школу, которая разносторонне и системно представила состояние межнациональных и межрелигиозных отношений в стране. Их преимущество заключается в том, что они изучают межэтнические отношения в увязке с социальной практикой, при этом считают важными различные подходы. Л.М.Дробижева пишет: «Очевидно – многообразие общества, различные способы теоретического конструирования и факты социальной реальности ориентируют исследователей на то, чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции попытаться понять с иных позиций»⁶. Несмотря на глубину и безусловный профессионализм их работ, они в большей степени касаются политической стороны жизни общества и их трудно отнести к собственно этнологии.

Интересная работа проделана сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН на примере взаимодействия различных этнических групп в регионе Урало-Поволжья⁷. В частности, в исследованных деревнях Башкортостана удмурты и марийцы, несмотря на то, что полностью переходят на татарский язык, не забывают свое происхождение и объясняют это так: «У нас уж другая кровь, удмуртская». Автор статьи Е.С.Данилко поясняет: «Вообще мотив другой крови, физического отличия от других – один из основных при самоопределении. Местные жители отмечают, что их антропологический тип не такой, как у других татар, они более светлые, скуластые, среди них много рыжеволосых»⁸. В качестве доказательства «удмуртского» происхождения жители приводят исторические и генеалогические предания. «На примере д.

Гарибашево, – пишет Е.В.Попова, – прослеживается практически полная идентификация удмуртов с татарами и башкирами, утрата языка, традиционных представлений и культов, этнически окрашенных элементов материальной культуры, а информация об удмуртских корнях сохраняется и поддерживается на уровне коллективной памяти, но оставаясь актуальной для жителей этой конкретной деревни»⁹. Следовательно, смена языка и даже культуры не ведет к изменению самосознания, которое строится на весьма расплывчатых представлениях о происхождении.

Аналогично ведут себя марийцы, которых называют татарами, но они сами себя позиционируют как приверженцев «марийской веры». При этом сохранность элементов традиционной марийской культуры в целом невысока, но это не отразилось на их идентичности. «Таким образом, – заключает Е.С.Данилко, – смена вербального кода, затронувшая и религиозную сферу марийцев Нарат-Чукура, не повлекла за собой существенной трансформации их религиозной системы... Языковой фактор оказался вторичным, практически не повлияв на уровень этнического и религиозного самосознания местных марийцев»¹⁰. Эти случаи показывают довольно любопытную ситуацию, когда смена языка, отчасти культуры и даже религии, сохраняет живые следы о своем происхождении. Важно отметить, что и татары помнят о происхождении удмуртов и марийцев, т.е. отсутствие языкового барьера не влечет за собой слияния ментальности татар и бывших удмуртов, марийцев, ставших по всем признакам татарами. К этому можно добавить другие примеры. В Татарстане живет небольшая группа мордвы-каратаи, которая говорит на татарском, но считает себя мокшей. В Башкортостане немало башкир, говорящих на литературном татарском языке (без признаков говора), но сохранивших свою идентичность. Все вышеназванные случаи не укладываются в существующие концепции этноса.

В научном мире нет единого мнения по вопросу критериев определения этноса. Разброс точек зрения слишком велик, чтобы пытаться каким-то образом их свести к одной дефиниции. Вместе с тем сложились общие представления, которые можно рассматривать как некое рабочее определение, без претензии на завершенность. Известный норвежский исследователь Фредрик Барт под этнической группой понимает народонаселение, которое в значительной степени биологически самовоспроизводимо; разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм; образует поле коммуникации и взаимодействия; характеризуется общей идентичностью, определяемой его происхождением и социокультурным фоном¹¹. Такое описательное определение позволяет оттолкнуться от некоторых явлений, наблюдаемых в жизни, и попытаться проанализировать механизмы объединения людей в общность.

Любая теория должна объяснять все случаи жизни без исключения. Частичное объяснение тоже полезно, но только как ступенька к более общей теории. Современная этнология далеко не все явления этнической жизни может объяснить удовлетворительным образом. В большинстве трудов в качестве этнических признаков фигурируют язык, религия, культура. Однако немало случаев, не укладывающихся в предлагаемые критерии. Например, существует большая группа польско-литовских и белорусских татар, которые отделились от основного массива татар более 600 лет назад, расселились на территории нынешней Польши, Литвы и Белоруссии. Они участвовали в Грюнвальдской битве, за что в Гданьске поставили памятник татарскому воину. Эти татары говорят на польском, отчасти на литовском и русском языках, при этом они мусульмане. Можно было бы сказать, что ислам стал фактором, объединяющим их с другими татарами. Но этот аргумент не работает, ведь среди татар есть православные крышени и нагайба-

ки, которые являются носителями татарского языка и культуры.

К сказанному следует добавить, что жизнь постоянно сталкивает со случаями «неэффективности» языковой ассимиляции. Татары, перешедшие на русский язык, в своем большинстве остаются татарами, и это наблюдается по всей России. Татары, перешедшие на узбекский язык, сохраняют свою идентичность, хотя среди них есть даже известные узбекские писатели. И даже татарская махалля (приход) в Ташкенте отличается от узбекской. Сами узбеки татар считают «европейцами». При отсутствии внешних признаков у татар в Узбекистане сохраняется идентичность. Этносоциология может только зафиксировать сам факт, но не может объяснить такой феномен, как отличие татарской и узбекской махалли при очевидной общности языка и религии.

Аналогичная ситуация складывается и у других народов. Ирландцы говорят на английском языке, при этом их «национализм» достаточно ярко выражен. Американцы, австралийцы, новозеландцы также англоязычные, но не стали британцами. Франкофоны в Квебеке или в Швейцарии не стали французами, австрийцы, пишущие по-немецки, сохранили свою идентичность. Евреи в разных странах говорят на самых разных языках и только незначительная их часть знает иврит или идиш. Примеры можно продолжить.

Этнологи традиционно ссылаются на культуру как важный признак этничности. Опираясь на него, казалось бы, можно объединить польско-литовских, астраханских, сибирских татар, а также крышен и нагайбаков под «общей крышей», но дело в том, что культура не может быть признаком этничности, она результат ее развития. Культура неоднородна. Профессора Казанского университета, будь то татары или русские, могут иметь больше общего, нежели профессор-татарин и фермер-татарин.

Все эти случаи подвергают сомнению существующие концепции этноса. «Нет ни одного реального признака для

определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям, — пишет Л.Гумилев. — Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особью “мы такие-то, а все прочие другие”»¹². Однако дихотомия «мы/другие» также требует объяснения, хотя как факт она хорошо фиксируется.

Прежде чем перейти к объяснению механизмов возникновения сознания «мы/другие», следует рассмотреть один из самых принципиальных вопросов, которые многое определяют в прошлой, настоящей жизни этноса, а также непосредственно связаны с его будущностью, а именно закрытость и открытость этноса к восприятию культуры других народов.

Открытость этноса vs «резервация»

Этнические границы определяют водораздел между «мы» и «другие», поэтому они требуют к себе особого внимания. Различие не означает конфронтации, но и не является простым отличием одного от другого. Граница больше, чем простое различие, она отделяет один мир от другого. Фридрих Юнгер по этому поводу пишет: «Там, где исчезают границы, возникает страх; страх — это не что иное, как потеря границ, потеря дистанции. *В то же время страх — это отчуждение*»¹³. В наличии границы, кроме различения, содержится смысл собственной защиты, определенной безопасности и возможности самореализации.

Отчуждение, как писал Карл Маркс, наступает в силу развития рыночных отношений. Человек становится всего лишь трудовым ресурсом, он перестает быть личностью, у него утрачивается смысл жизни. Хотя современные социологи отвергают понятие «отчуждения», заменяя его социологическим термином неудовлетворенности жизнью, тем не менее сам феномен превращения людей в товар, овеществления

социальных отношений существует. Если в древности человек боялся демонов леса, воды, земли, то сегодня для него они, казалось бы, не существуют, они согнаны со своих прежних мест, но оказывается, что демоны не уничтожены, они поселились в экономической и политической системе. Благодаря техническим и коммуникационным системам наше общество рационально организовано, но для отдельного человека оно выглядит столь же иррационально, как лешие и домовые.

Как это ни странно, но рационализм усиливает в обществе стремление к мифологии, таинственным явлениям, мистике, повышает интерес к астрологии, предсказаниям, гаданиям, экстрасенсам, инопланетянам и т.д. Мировые религии торжествуют, а предрассудков меньше не становится. Реформация очистила христианство от наиболее кричащих язв, как-то: инквизиция, индульгенция, всевластие папства и т.д., но вместе с этим ушли из жизни многие таинства жизни, которые оказались нужны человеку. Доминирование рыночных отношений, нормативность религий, всеобщая стандартизация лишили человека образов, которые придавали осмысленность его существованию. Поэтому человек ищет общество, в котором можно было бы вновь обрести смысл существования, будь то монастырь или же этничность. Человеку необходимы идеи, которые помогают отыскать свое место во Вселенной, ведь он способен преодолеть любые трудности, если убежден, что это имеет смысл. Но человек терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль винтика в конструкции чьей-то рациональной машины. В ряду важнейших факторов жизнедеятельности человека находятся этнические символы, которые исключительно значимы, а это приводит к усилению значения границ между различными сообществами.

Существует два принципиально разных пути, которые выбирает этнос для своего существования. Один из

них путь «резервации», когда создается пространство, защищенное от внешнего влияния и позволяющее сохранить этнографические признаки. Аргументом для такого подхода служит факт исчезновения многих малочисленных народов под воздействием глобализации или политики отдельных государств. Наиболее ярко политика изоляционизма воплотилась в создании резерваций для индейцев в США. Однако существуют сомнения в эффективности такого механизма. Если даже отвлечься от способа существования этих резерваций (казино и прочее), то сама консервация не лучший способ сохранения этноса. Замкнутый в себе этнос не создает перспектив для подрастающего поколения и является способом ухода от современного рационального общества в мир символов, мифов, более «человечной» веры. Среди индейцев немало людей вполне образованных и достигших значительных социальных высот, тем не менее покидающих американское общество и переезжающих в резервацию. Это напоминает уход людей в монастырь. Кстати, в Раифском монастыре, недалеко от Казани, живут не только обездоленные, но и вполне состоявшиеся в миру люди.

В татарской истории существовало целое направление сторонников сохранения традиционной культуры без обновления норм и ценностей. Это так называемое течение «кадимистов» — вариант закрытого общества. Кадимисты именно изоляцию и замкнутость, следование средневековым традициям считали способом сохранения народа. Эта же идеологема звучит из уст нынешних священнослужителей, выучившихся в исламских странах. Они религию ставят выше народов, считая всех мусульман одной нацией, но в результате привносят чуждые этнические традиции в татарскую среду.

Противоположное направление — джадидизм — считало, что открытость, заимствование достижений европейской культуры, включая русскую, реформирование традиционного ислама дадут

возможность развиваться нации. Время показало их правоту, они создали базу всей современной татарской культуры, а от кадимизма в наследство ничего не осталось. Изоляция не может быть способом сохранения этноса. Это пребывание в инфантильности, создающее иллюзию этнического существования.

Существенно ответить на вопрос, каким образом при динамизме жизни, заимствовании этносом самых передовых идей и технологий сохраняются границы этничности? Фредрик Барт весьма обстоятельно рассмотрел роль этнических границ, которые фиксируются набором маркеров: язык; быт; исторический, экологический опыт и др. Он пишет: «Существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия, но, напротив, нередко становится тем фундаментом, на котором возводятся все социальные системы»¹⁴. Существуют устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения поверх границ, которые не разрушают дихотомию «мы/другие». Как показывают исследования и подтверждает практика, границы между этническими группами сохраняются, несмотря на открытость культуры. Мобильность, наличие контактов и обмен информацией не враг этничности. Фредрик Барт делает заключение: «Культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям». Иначе говоря, процессы потери этнической идентичности не связаны с открытостью этноса и, как мы показали выше, даже ассимиляция не ведет к исчезновению этнического самосознания. Конечно, из истории хорошо известны примеры перехода татарских родов в православие и последующее их обрусение. Такие фамилии, как Державин, Тургенев, Кутузов и т.д., слишком яркие примеры, чтобы оставлять их без внимания. Но это предмет исторического анализа. У процесса ассимиляции иной механизм, не связанный с открытостью или закрытостью этноса.

Полевые исследования нам демонстрируют факты сохранения этничности при открытости этноса. Идентичность, рассматриваемая как статус, оказывается выше других статусов индивида. Она выступает как императив, накладывающий ограничения на поведение человека и выбор партнеров, с которыми он может вступать в контакт. Несмотря на обстоятельства, оказывающие давление на индивида, этническое поведение отвергает ряд ролей как неподобающее их идентичности. Подобно тому, как в некоторых обществах распространена дихотомия мужского и женского труда, так и существование базовых этнических признаков является фактором, способствующим распространению культурных различий. Иначе говоря, межэтнические контакты не могут идти в ущерб этничности.

Если теперь перейти от этнологии к истории, то мы обнаружим, что человечество развивается благодаря открытости культуры, готовности меняться. Это происходит через преодоление архаичных норм. Если бы было иначе, тогда начался бы регресс, возврат к инфантильности, а в худшем случае к дикости. Преодоление старых форм жизнедеятельности происходит в ходе кризисов, после чего наступает трансформация в новое качество. Однако преодоление не означает полного отторжения, старые нормы не исчезают полностью, но становятся неактуальными, они сохраняются в латентной форме, готовые дать о себе знать при снятии с них табу.

Переход от одной ступени развития к следующей идет через сохранение некоторых характерных черт поведения. Л. Гумилев довольно категорично заявлял, что «единственным надежным критерием для отличия суперэтносов, так же, как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения»¹⁵. В другой работе он поясняет: «Эти стереотипы человек усваивает в первые годы жизни от родителей и сверстников, а затем использует их всю жизнь, чаще всего не осознавая стереотипности своего поведения. В этносе, в отличие

от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы»¹⁶. Карл Юнг называет это архетипом, который сочетает в себе биологическое и социальное. «Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами, — пишет он. — То, что мы называем инстинктами, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, — даже там, где прямая передача или “перекрестное оплодотворение” посредством миграции полностью исключены»¹⁷.

Архетипы не являются застывшими структурами, они представляют собой динамичные факторы, охватывающие поведение не отдельных людей, а значительных масс. Они одновременно образы и эмоции, и выражаются через мифы, религии, философские школы, именно поэтому способны воздействовать на поведение народа в целом. Эмоциональная заряженность архетипов определяет их динамичность и специфическую энергию. «Переживание архетипа, — пишет Карл Юнг, — это не одно только впечатление, оно охватывает и овладевает всей личностью и, естественно, является продуктом (результатом) веры»¹⁸. Как показывает жизнь, какими бы влиятельными ни были монотеистические религии, они несут в себе остатки первобытных верований. В еще большей степени древние пласты обнаруживаются в традиционной культуре народов.

Архетип имеет осознанную составляющую, поэтому претерпевает изменения под влиянием того индивидуально-го сознания, на поверхности которого оно возникает. Но любое индивидуальное оказывается частью всеобъемлющей этнической души, а потому даже самые современные идеи имеют свои

исторические прообразы, восходящие к каким-то архетипам, которые когда-то были не мыслями, а образными восприятиями, по существу, откровениями.

Если брать основную массу населения, то люди предпочитают жить в соответствии с традициями, привычками, ближайшими интересами, не задумываясь о вещах философских и тем более рациональной организации своей жизни. Один из самых авторитетных современных историков Фернан Бродель пишет: «Исходным моментом для меня была повседневность — та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, — привычка, или даже рутин, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем наполовину погружено в такого рода повседневность»¹⁹. Несмотря на успехи науки влияние СМИ, деятельность партий и разного рода идеологов для основной людской массы даже мировоззренческие темы могут выглядеть как разговоры об НЛО, жизни на других планетах, а конкретная жизнь связана с ценами на продукты и видами на урожай. Даже цены на нефть, которые каждые полчаса старательно сообщают по телевидению, интересуют всего несколько тысяч человек, хотя бюджет страны зависит от рыночной конъюнктуры на сырье. Большинство людей предпочитает жить не современным, а глубоко традиционным сознанием (чтобы не сказать первобытным). В самых современных ресторанах или супермаркетах вам предложат изделия по старым рецептам, а следование традициям является хорошим тоном, чем успешно пользуются туристические фирмы. Понимание необходимости трансформации общества — удел немногих, причем не конструктивистов и интеллектуалов, а тех, кто понимает, что «сегодня» есть всего лишь связующее звено между «вчера» и «завтра». Но

в этом «сегодня», то, что мы гордо называем современностью, основная доля состоит из «вчера» и лишь небольшие штрихи оказываются из того, что можно назвать «завтра».

Из сказанного следует сделать один важный вывод: насколько бы выдающимися ни были формы общественного развития, они со временем изнашиваются и требуют своего переосмысления, перехода к новому порядку вещей. В моменты своего триумфа этнос должен быть готов к переменам, он в принципе не может останавливаться на достигнутом, ибо всегда сохраняется опасность торжества привычки или обычая — любая идея, даже религия, со временем имеет склонность к деградации, общество легко впадает в духовную инерцию и бездумное подражательство, что со временем ведет к регрессу. В таком случае традиции становятся пустой формальностью, энтузиазм заменяется автоматизмом, вера утрачивает свое влияние, в ней не остается живой силы, наши убеждения оказываются бесцветными банальностями, а идеалы превращаются в чопорные привычки.

Диалектику исторического развития исследователи различных специальностей изложили примерно в похожих словах и имели в виду один и тот же смысл. Виднейший историк Ле Гофф считает: «Все значимые исторические события подчиняются одной и той же логике, которую можно определить двумя словами: преемственность и перемены. Кроме того, это и есть два условия успешного развития. При отсутствии преемственности вас ждет поражение. При отсутствии перемен — смерть на медленном огне». В свое время Никколло Макиавелли это хорошо выразил на политическом языке: «Тот, кто хочет пользоваться постоянным успехом, должен изменять свое поведение в соответствии с веянием времени»²⁰. Пожалуй, больше всего о переменных, инновациях и т.д. говорят экономисты. Не случайно один из самых успешных менеджеров XX в. Ли Якокка утверждает: «Единственный шанс выжить со-

стоит в том, чтобы не упустить момент начала перемен на рынке»²¹. Но такой признанный экономист, как Ф.Хайек, предупреждает: «Всякий прогресс должен основываться на традиции»²². Тот же Макиавелли считал: «Следует принимать во внимание, что нет ничего более труднодостижимого, более сомнительного для успеха, более опасного в обращении, чем начинать новый порядок вещей». Здесь сталкиваются два подхода — готовность к переменам и следование традициям, которые по существу не противоречат друг другу. Изменения должны быть даже в моменты триумфа, но они не могут быть бессчетными, они — всего лишь вариации определенных типических событий, ограниченных по своему числу.

Будущее всего лишь вариация прошлого. В обществе должны сохраняться символы, отражающие привычные архетипы, они со временем приобретают новое содержание, поднимая духовность общества на следующую ступень, но их корни в прошлом. Открытость и готовность к трансформации культуры этноса не ведут к отказу от традиций — определенные нормы, элементы из предыдущего периода жизни остаются неизменными, как базовые, а их новое наполнение позволяет народу уйти от рока этнографической «резервации». Устойчивость этнических границ обеспечивается не путем изоляции, а благодаря сохранению обновленных базовых структур. При этом маркеры границ, фиксируемые социологами, не являются теми ценностями, которые объединяют этническую группу, они только сигналы. Следовательно, надо определиться с факторами, которые обеспечивают целостность сообщества. Какие же «обручи» стягивают людей в единое сообщество?

Иерархия «оболочек»

Язык, культура, религия, экологическая и экономическая ниши суть составные элементы этничности, но они ни в отдельности, ни в совокупности не создают системы. Среди них

нет интегрирующего элемента. То, что структурирует все составные части в целостность — нечто иное, которое надо искать на границе сознательного и бессознательного.

Этносоциология предоставляет материал в виде различных идентичностей. Можно говорить о различном характере норм, ценностей и принципов, которые не столько регулируют, сколько ставят границы поведению человека. Если исходить из имеющихся данных по России, полученных за последние 20 лет²³, и немного упростить саму схему, то мы получим иерархию идентичностей, которые, как «оболочки», выстраиваются одна над другой.

Самую верхнюю «оболочку» составляет космополитическое сознание, которое когда-то было характерно только для крупного, транснационального капитала, а сегодня благодаря развитию систем коммуникации и прозрачности границ становится также частью сознания активной части населения. В этом сознании есть своя положительная составляющая — то, что население планеты объединяет общими интересами, но есть и негативная часть. К первой следует отнести более широкий взгляд на мир, заимствование опыта других народов, независимо от расстояний и границ, понимание многообразия мира и взаимозависимости людей различных частей планеты друг от друга. К явно негативной составляющей относится денационализация капитала, появление международных корпораций, стоящих вне и над народами и государствами. Пренебрежение к своим корням проявляется уже у крупных бизнесменов — «долларовых миллионеров», поклонников «Золотого тельца», а крупные игроки на мировых рынках ставят свои интересы выше международных, вмешиваясь в дела отдельных государств. Впрочем, и транснациональные корпорации неоднородны, среди них существуют те, кто намеренно денационализирует собственную структуру, но есть и такие, кто опирается на национальные традиции страны пребывания.

Негативные последствия глобализации в виде нивелирования различий и стандартизации мира неизменно компенсируются усилением культурного, регионального многообразия мира.

За космополитическим сознанием находится гражданская идентичность, которая существует в любом государстве и в западной терминологии совпадает с понятием нации. Гражданство, как правило, не включает религиозную и этническую принадлежность, оно зависит от государственных структур, а само сознание формируется благодаря просвещению и системе образования. В отличие от имперского подхода, нация строилась на волне Французской революции на идеях равенства, братства и свободы, что стало мощным интегрирующим фактором. Конечно, в основе любой нации лежит доминирующий этнос, чей язык и культура становятся официальными, но современное государство может строиться также на принципе «единства многообразия», сочетая интересы различных этнических и религиозных групп.

Религия в прошлые века во многом предопределяла характер стран, но в новейшее время государственное устройство, как правило, строится на принципе «Богу — богово, кесарю — кесарево», официальная приверженность к той или иной конфессии является скорее исключением, нежели правилом. В любом случае гражданственность в качестве идентичности не тождественна этнической или религиозной принадлежности.

Гражданственность опять-таки можно оценивать с «позитивной» и «негативной» точек зрения, т.е. государство может быть прогрессивным, предоставляя свободу человеку и народам или, наоборот, выступать как Левиафан. Такая дихотомия характерна для всех «оболочек».

На следующем уровне иерархии располагается религиозная принадлежность, которая не совпадает с этничностью. Среди швейцарцев есть кальвинисты, лютеране, католики, а в последние

годы появились мусульмане. Точно так же среди татар существуют две религиозные группы — мусульмане и православные. Этничность не существует без сакральности, но под религиозностью сегодня имеется в виду принадлежность к одной из мировых религий с развитой догматикой, ритуалами и нормами. Порой священнослужители настаивают на наднациональном характере религии, что ставит их вне основного вектора развития человечества и не наблюдается в жизни.

Этничность пронизана сакральностью, что привнесено не мировыми религиями, а существовало изначально. Не случайно во многих легендах татары происхождения своих героев и народа в целом выводят к Ною, пророкам, а порой к дивам, пэри, т.е. демоническим персонажам. Все это осуждается священниками как язычество. Заведомо предполагается, что ислам лучше тенгрианства, поскольку сам Коран осуждает язычников. Но ведь у арабских племен Аравии была другая история и другие боги. Например, сегодня в Республике Алтай живут тенгрианцы, они берегут природу, горы, диких зверей, живут исключительно мирно, а своими бедами делятся с деревьями, подвешивая ленточки. В это же время приезжие туристы — православные и мусульмане — с удовольствием засоряют окружающую среду, не оставляя денег на охрану территории и животного мира. Они ведут себя хуже дикарей.

А что мы наблюдаем в исламском мире? В 2011 г. весь арабский мир погрузился в пучины братоубийственных сражений. С криком «Алла акбар» и автоматами Калашникова они ожесточенно убивали друг друга в священный месяц Рамадан. И с той и с другой стороны выступали правоверные, но ведь Коран запрещает убивать мусульманина, а критерий правоверности очень простой, он заключен в формуле шахадата — достаточно произнести «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его», чтобы считаться мусульманином. В этой ситуации ис-

тинными мусульманами оказываются только беженцы. Так в чем же преимущество арабских мусульман перед алтайскими язычниками? Чем лучше ислам или православие по сравнению с «марийской верой», если язычество ведет к добру? Ни в чем. В историческом плане мировые религии выглядят более развитыми, а в конкретных случаях они могут оказаться проявлением дикости в результате отступления от принципов добра, они становятся демоническими, т.е. приобретают форму одержимого фанатизма. Можно все списать на происки дьявола, но это очень примитивное мышление, которое не может устроить этнологию.

Для религиозности также характерна дихотомия в виде, с одной стороны, духовности, веры в добро, придании осмысленности человеческому существованию, но, с другой стороны, верующим нередко присущ фанатизм или подмена веры интересами касты священнослужителей. О различии добра и зла говорят в течение тысячелетий. Все это выражено в заповедях, моральных нормах, философских трактатах, романах и т.д. Если брать самый общий критерий, то творить добро означает предпочитать коллективные интересы личным желаниям и интересам, сдерживать свои инстинкты в пользу общественных целей. Только тогда человек становится угоден Господу, будь он христианин, мусульманин, иудей или язычник, и даже атеист.

Наконец, на следующей «оболочке» мы обнаруживаем собственно этническую идентичность, которая располагается глубже остальных «этажей». Ее базисная роль особенно ярко высвечивается в ходе революций или идеологических кризисов, когда верхние «оболочки» начинают дискредитироваться и «отпадать». Революция 1917 г., взорвавшая старую имперскую идеологию, привела к подъему самосознания народов и появлению целого ряда государственных образований. Распад СССР и кризис советской идеологии опять-таки привел к активизации рели-

гиозной и этнической идентичностей. В современной России гражданская идентичность, не подкрепленная новыми ценностями, оказалась расколотой на региональную и общероссийскую, а доминирующей стала именно этничность. Естественно, этническая идентичность может выступать в двух ипостасях, т.е. приобретать форму шовинизма, расизма по схеме «свой/чужие» вместо «мы/другие», или же быть признанием многообразия мира.

Этническая культура формируется в борьбе с первобытными, архаичными инстинктами, человек преодолевает животное состояние и вырабатывает «табу», которое постепенно осознается в виде мифов, норм поведения, пантеона богов, указывающих как вести себя, затем появляются религия, идеология, философия, политика, государственность. Все это ступени цивилизации. Каждая «оболочка» становится сдерживающим фактором каких-то человеческих страстей. Но это не значит, что каждая новая ступень, безусловно, лучше предыдущей, или совершенно отвергает нижний уровень. Любая ступень вверх это усложнение, совершенствование, но в каждой из них существуют элементы «божественные» и «демонические». Если положительное не может взять верх, то будет доминировать негативное, будь то жажда наживы или жажда власти, необузданный национализм или фанатизм. Внешняя респектабельность не исключает дикой одержимости, характерной для первобытного человека. Особенно опасны времена реформ, революций, войн, массовых выступлений, когда разрушается иерархия ценностей без возникновения альтернативных норм. Тогда в силу вступают более архаичные формы поведения, а в крайнем случае, просыпаются первобытные страсти, человек сталкивается с древней проблемой необузданности и жестокости. Чудовищный зверь вырывается на свободу и деморализует общество. Источник фанатизма следует искать в этом процессе «снятия» высших ценностей и возврате к первобытности

или инфантильности. В стихотворении Сергея Есенина «Возвращение на родину» есть такие строки:

*Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...*

Запрет на православие после революции 1917 г. вернул к жизни культ дерева, о чем пишет С.Есенин. Подобный возврат к первичным архетипам происходит ввиду снятия определенных запретов, что наблюдалось в ходе самой революции, а затем бунтов, гражданской войны, голода, доходившего до каннибализма, и т.д. При этом человек отвергал устоявшиеся нормы и давал о себе знать «феномен одержимости». Такое же может случиться, например, в уличной толпе, среди спортивных фанатов, на религиозных сборищах, где высвобождается коллективное бессознательное и просыпаются демоны, дремлющие до поры до

времени в каждом из нас. В толпе человек бессознательно нисходит на низший моральный и интеллектуальный уровень, тот уровень, который всегда лежит за порогом сознания, готовый прорваться наружу, если в обществе ослабляются нормативные обручи.

Здесь представлена упрощенная схема, которая привязана к нынешнему состоянию дел в России. Эту схему нельзя обобщать на все случаи жизни, в ней следует учесть также сложность взаимоотношений религиозной, этнической, гражданской идентичностей. Вся эта иерархия идентичностей обнаруживается в ходе социологических исследований, однако самый нижний, собственно этнический слой, в свою очередь, строится на неких представлениях, образах, символах, порой относящихся к бессознательному, и по своей природе является наиболее архаичным. Его условно можно назвать «коконом», в котором надо искать корневые мотивы этнического поведения.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.А. Тишков. Этнология и политика. — М., 2001. — С. 233.

² Там же. — С. 240.

³ В.А.Тишков. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003. — С.151.

⁴ Там же. — С. 226.

⁵ Историографию вопроса см.: Л.М.Дробижева. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. — 2011. — № 2. Обобщенные результаты исследований за последние 20 лет даны в работе: Л.М.Дробижева. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М., 2002; Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. — Саппоро, 2003; Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. — Казань, 2008; Г.И.Макарова. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. — Казань, 2010.

⁶ Л.М. Дробижева. Методологические проблемы... — С. 26.

⁷ См.: Этническое обозрение. — 2010. — № 6. Статьи А.Д. Коростелева, Е.С. Данилко, Е.В. Поповой.

⁸ Е.С. Данилко. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий// Этническое обозрение. — 2010. — № 6. — С. 57.

⁹ Е.В. Попова. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья// Этническое обозрение... — С. 70.

¹⁰ Е.С. Данилко. Татары в этнически... — С.58.

¹¹ См.: Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредрика Барта. — М., 2006. — С.9.

¹² Л. Гумилев. Ритмы Евразии... — С.164.

¹³ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление. — С. 66.

¹⁴ См.: Этнические группы и социальные границы... — С.15.

¹⁵ Л. Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 166.

¹⁶ Там же. — С. 178.

¹⁷ К.Г. Юнг. Архетип и символ... — С.42. Следует отметить критическое отношение Клода Леви-Стросса к понятию архетипа: «По Юнгу, значение связано с определенными мифологическими темами, которые он назвал архетипами. Это рассуждение напоминает известное заблуждение философов, занимавшихся языком. Они долгое время считали, что различные звуки благодаря внутренне присущим им свойствам передают то или иное значение: так, “текучие” полугласные якобы должны вызвать представление о соответствующем состоянии материи, открытые гласные по преимуществу включаются в состав имен, обозначающих предметы большие, громоздкие, тяжелые или звонкие и т.д.». (См.: Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... — С.216.) Отвечая своим критикам, Карл Юнг пишет в статье «Значение снов»: «Мои взгляды на “архаические остатки”, которые я назвал “архетипами”, или “первобытными образами”, постоянно критиковались людьми, которые не обладали достаточными знаниями психологии сновидений или мифологии. Термин “архетип” зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более чем сомнительными репрезентациями; было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могли бы унаследоваться». И далее: «Мои критики неверно полагают, что я имею дело с “унаследованными представлениями”, и на этом основании отвергают идею архетипа как простое суеверие. Они не принимают во внимание тот факт, что если бы архетипы были представлениями, имеющими свое происхождение в нашем сознании (или были бы приобретены сознанием), мы бы с уверенностью их воспринимали, а не поражались и не удивлялись бы при их возникновении в сознании. В сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев строить муравейники».

¹⁸ Карл Густав Юнг. Символы трансформации... — С. 383.

¹⁹ Фернан Бродель. Динамика капитализма. — М., 1993. — С. 4.

²⁰ См.: Скиннер Квентин. Макиавелли. Очень краткое введение. — М., 2009.

²¹ Ли Якокка. Карьера менеджера. — Минск, 2007. — С. 276.

²² Ф.А. Хайек. Общество свободных... — С. 245.

²³ См.: Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижина, А.А.Сусоколов. Этносоциология. — М., 1999; Л.М.Дробижина. Социальные проблемы межнациональных отношений...; Социальное неравенство этнических групп...; Этносоциологические исследования в Татарстане. Вып. IV. — Казань, 2010; и др.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.